

РАЗВЛЕЧЕНИЕ

4 УН
P-3111 ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ

СЪ ПОЛИТИПАЖАМИ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ книжныхъ магазинахъ: Гг. Базунова, Свинникова, Щепкина, Лоскутова, Улитина, Салаева, Глазунова и въ Конторѣ типографіи Каткова и Комп.

1859.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Въ Москвѣ безъ доставки. . . 3 р. с. въ годъ
съ доставкою. 4 " "
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 4 " "
Съ пересылкою въ города. . . 5 " "

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

СОДЕРЖАНІЕ: Сонетъ. А—м. — Чародѣвъ. Разсказъ. Экцентрика. — Колоссальная гостиница въ Нью-Йоркѣ. — Людскія глупости. Поэма. — Наше время. Стих. А. К. Злова. — Рисунки: С. А. Любовникова и К. И. Вебера. — Библиографическое извѣстіе. — Отъ редакціи.

СОНЕТЪ.

(Изъ Шекспира)

Когда, гонимый міромъ и судьбою,
Надъ участію своею я плачу въ тишинѣ,
И, проклиная жизньъ, напрасною мольбою
Тревожу небеса, не внемлющія мнѣ;
Когда, завидуя съ отчаяньемъ скупаго
Всѣмъ благамъ ближняго, я для себя бѣ хотѣлъ
Талантовъ одного и почестей другаго
И не доволенъ всѣмъ, что мнѣ даво въ удѣлъ....

О, если въ этотъ мигъ бесплоднаго мученья
Случайно вспомню я, подруга, о тебѣ,
(Какъ птичка Божія, почувавъ пробужденье
Свѣтила дня) я гимнъ пою судьбѣ.
И такъ счастливъ тогда любовію моею, —
Что лучшей участи желать себѣ не смѣю.

А—м.

ЧАРОДѢВЪ.

I.

Было утро, прекрасное веселее утро 1847 года. Жители города N едва начинали просыпаться; они считали себя аристократами, а ужъ гдѣ это видано, чтобы аристократія вставала рано? Это было бы и не въ по-

рядкѣ вещей. Аристократъ, по понятію многихъ, существо высшее, и хотя не безтѣлесное, но все-таки обладающее высокими свойствами превращать ночь въ день и день въ ночь. Аристократъ долженъ вставать часа въ два пополудни, пить кофе въ постели; потомъ... потомъ часовъ до пяти сидѣть за туалетомъ, потомъ часу въ седьмомъ или, пожалуй, въ восьмомъ обѣдать и такъ далѣе. Жители города N, если и не были вполнѣ аристократами, по крайней мѣрѣ подозрѣвали въ себѣ присутствіе аристократическихъ элементовъ.

На колокольнѣ городского собора пробило одиннадцать часовъ.

Въ одномъ переулкѣ, довольно удаленномъ отъ центральной городской дѣятельности, въ небольшомъ домикѣ въ четыре окошка, въ скромно-меблированной комнаткѣ сидѣлъ офицеръ и передъ складнымъ зеркальцемъ прилежно выскабливалъ себя бритвой, передвигая языкъ то въ одну, то въ другую щеку, то выпихивая имъ нижнюю губу. Процессъ бритья уже кончался. Офицеръ вытеръ себѣ лицо о-де-колономъ съ водою и закричалъ:

— Парфень! а, Парфень!

Отвѣта не было.

— Скотина, а, скотина! заснулъ... экой лѣшій!

И офицеръ началъ строить гримасы, поглядывая на себя въ зеркало.

— Парфень! закричалъ онъ снова, наморщивъ брови и продолжая смотрѣться въ зеркало, что жъ ты оглохъ?

Явился Парфень, субъектъ въ высшей степени занимательный и оригинальный. Волосы у него на головѣ стояли дыбомъ, лицо было заспашное, глаза безцвѣтные и какіе то тупые. Когда онъ явился, то сталъ спокойно у притолки, не обращая вниманія на то, что баринъ его бѣсновался. Кажется, всѣ его душевныя способности уснули вмѣстѣ съ поступленіемъ его въ военную службу. Быть-можетъ вдали отъ родныхъ, отъ жены, оторванный отъ роднаго крова и даже не чающий возвратиться въ него когда-нибудь, онъ замкнулся самъ въ себѣ и впечатлѣнія извнѣ не возмущали болѣе его нравственнаго сна. Была ли это въ самомъ дѣлѣ апатическая натура, или только кажущійся покой, или покорность высшему Промыслу,—не знаю...

— Что тебя по двадцати разъ звать? а? говорилъ офицеръ сердитымъ голосомъ, продолжая любоваться собою въ зеркало.

— Зачѣмъ? довольно и одного раза, равнодушно отвѣчалъ деньщикъ.

— Вотъ извольте валандаться съ такими болванами цѣлую жизнь, говорилъ офицеръ, обращаясь вѣроятно къ зеркалу, съ которымъ онъ любезничалъ. Ну, изволь убирать.

Парфень какъ-то пеловко повернулся; подойдя къ столу, задѣлъ рукавомъ за стаканъ и пролилъ мыльную воду на халатъ его благородія. Его благородіе не выдержалъ, вскочилъ со стула и съ негодованіемъ началъ бить своего беззащитнаго Парфена. Ни одного слова, ни одного вздоха, ни одной жалобы: покорность судьбѣ, и ничего болѣе.

Его благородіе—былъ Алексѣй Васильичъ Чародѣевъ, поручикъ какого-то пѣхотнаго не то егерскаго полка. Ему было лѣтъ тридцать, но на видъ онъ казался моложавѣе; можетъ-быть, въ этомъ виноваты были нѣкоторыя косметическія обтиранья, приготовляемыя цыганкой, у которой впрочемъ они покупались подъ великимъ секретомъ. Онъ былъ небольшого роста, съ походкой, по которой его можно было причислить къ лапчатой породѣ, которой предки Римъ снасли; съ пріятными манерами, отзывавшимся чѣмъ-то казарменнымъ и, какъ говаривалъ его полковой командиръ, съ *запасомъ пріятныхъ разговоровъ*. Его лицо было, какъ вообще бываютъ лица, не то чтобъ дурно, но и далеко не хорошо; не то чтобъ красно, да и не блѣдно, глаза сизо-каріе съ какимъ-то непріятнымъ отливомъ, носъ съ лощинкой и съ бугоркомъ на концѣ, который впрочемъ по мнѣнію Алексѣя Васильича, былъ кровный римскій; жиденькіе темные волосы и усы, предметъ его особой гордости, приглаженные, примазанные, были натерты какой-то душистой помадой, выписанной будто бы изъ-за-

границы. Усы, на которые онъ рассчитывалъ слишкомъ много, были сведены въ одинъ волосокъ усиленнымъ стараніемъ и полезно-употребленнымъ временемъ за туалетомъ. Таковъ былъ Чародѣевъ. Его гостиная, залъ, столовая, диванная, кабинетъ, спальня—все помещалось въ одной маленькой комнаткѣ съ двумя окнами, между которыми стоялъ простой, некрашенный столъ. Комнатка эта была довольно неопрятное явленіе даже между холостыхъ военныхъ квартиръ. Закоптѣвшій и позеленѣвшій по угламъ потолокъ покосился въ одну сторону, тогда какъ полъ, не мытый отъ сотворенія міра, покосился въ другую. Кромѣ стола въ ней находилось три стула—инвалида, да диванъ, обитый когда-то и чѣмъ-то, съ особеннымъ запахомъ и свойствомъ отдавать очень не гармоническіе звуки при каждомъ движеніи по комнатѣ. Библиотека Алексѣя Васильича состояла изъ устава о гарнизонной службѣ, который валялся на окнѣ. Онъ, то-есть не уставъ, а Алексѣй Васильичъ читалъ немного или, выражаясь отборнымъ слогомъ, ни нравственнаго, ни духовнаго питанія не жаловалъ, хотя тѣлесно паѣдался до отвалу.

Но довольно; пора вернуться къ нашему герою, который уже вдоволь успѣлъ отколотить своего деньщика и не заставилъ его нисколько почувствовать боли, хотя самъ усталъ отъ этого упражненія.

— Анна Михайловна приходила? обратился онъ къ своей ежедневной жертвѣ.

— Нѣтъ, не приходила, отвѣчалъ Парфень грубымъ голосомъ.

— Давай же одѣваться. Гдѣ сапоги? Вычистилъ ты ихъ?

— Да что ихъ чистить? подошвы совсѣмъ провалились, я носилъ ихъ къ сапожнику, да тотъ не сталъ чинить.

— Да ты ихъ вычистилъ? Подай сюда!

Парфень пошелъ въ переднюю и принесъ нечищенные сапоги.

— Отчего же ты ихъ не вычистилъ, подлець! вскричалъ Алексѣй Васильичъ.

— Ваксы нѣту. Въ лавочкѣ въ долгъ не даютъ.

Нечего дѣлать, Чародѣевъ надѣлъ нечищенные и худые сапоги и вообще преобразился изъ халата въ сюртукъ надѣлъ, перчатки, правда сомнительной бѣлизны, фуражку, и вышелъ на улицу подышать чистымъ весеннимъ воздухомъ, приказавъ Парфену на случай прихода Анны Михайловны, сказать ей, что вернется черезъ четверть часа.

Парфень, оставшись одинъ, началъ приводить въ порядокъ квартиру: рукавомъ стеръ со стола пыль, рукою поколотилъ по дивану, отчего пыль еще обильнѣе усѣлась на стульяхъ, и на столъ, плюнулъ и отправился въ переднюю въ свой уголокъ продолжать прерванный сонъ.

II.

— Баринъ дома? раздався пискливый голосъ за дверь. Парфень, не успѣвшій еще заснуть всталъ и отворилъ дверь.

— Что, Парфенушка, дома твой баринъ? говорила женщина, одѣтая ни по-зимнему, ни по-лѣтнему да и не по-весеннему,—въ ваточный салопъ съ кошачьимъ воротникомъ.

— Кажись, нѣтъ, отвѣчалъ Парфень, а скоро придетъ.

— Ну хорошо, Парфенушка, ты запри дверь да и поговори со мной.

— А что съ тобой говорить?

— Какъ что? да ты расскажи, что твой баринъ хороший ли человекъ—то; добръ ли онъ? али злющій какой?

— А тебѣ на что? бессмысленно проговорилъ Парфень. Видно было, что умственно онъ еще не проснулся.

— Экой какой-ты право, вотъ я, кажется, люблю тебя и ты такой славный человекъ, а ужъ вовсе въ тебѣ нѣтъ этой пріятельности въ обхожденіи, говорила Анна Михайловна; это была она.

— Да на что тебѣ? спросилъ Парфень, вытравивъ на нее свои тупые глаза.

— Какъ на что? развѣ я тебѣ не сказывала, въдъ я твоего барина сватаю, хочу женить да и на богатой. Да! вотъ поэтому и спрашиваю тебя. Что добръ онъ, аль нѣтъ?

— Да, добръ. . .

— Ну и не бьетъ тебя?

— И не бьетъ.

— Значить, лучшаго барина и не надо?

— Значить, и не надо.

— Что—онъ тебя и чаемъ поить? а?

— Бываетъ и чай пью, локонически отвѣчалъ Парфень.

— А въ праздникъ на водку даетъ?

— Да, и на водку даетъ.

— Ну, а правда, что твой баринъ крестьянъ имѣеть, да отецъ живъ, а какъ умереть, такъ ему все достанется? спрашивала Анна Михайловна.

— Ну, значить, ему, отвѣчалъ Парфень.

— И онъ говорилъ, что ты тоже крѣпостной его?

— Ну, и крѣпостной.

— Значить, отъ отца къ нему достался.

— Значить, достался.

Къ чести Парфена надо замѣтить, что онъ не принадлежалъ къ тому кружку образовавшей дворни, которая чернить господъ своихъ, вретъ на нихъ всякую гиль, а иногда впрочемъ рассказываетъ и правду. Парфень твердо помнилъ пословицу: ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами.

На этомъ ихъ разговоръ кончился, потому что раздався стукъ въ дверь и Алексѣй Васильичъ явился передъ лицомъ Анны Михайловны, городской свахи и сплетницы первой руки.

— Здравствуйте, батюшка Алексѣй Васильичъ, говорила сваха заискивающимъ голоскомъ, что, батюшка, какъ жевете—можете?

— Здравствуйте, голубушка Анна Михайловна, очень радъ, что зашли, долго не были, я васъ заждался: все думалъ, авось зайдете.

— Ну, ну, батюшка, вотъ и зашла, а то что-то все немоглось: то, знаете, поясница, то спина, то повыше, а то вчера животъ схватило, да такъ, что ахти Господи! чуть души не отдала Богу; спасибо еще племянникъ навѣстилъ; тотъ разныхъ капель далъ, мнѣ и стало легче; а то просто у! . . . у! . . . и Анна Михайловна закрыла глаза и закачала головою.

— А теперь здоровы, матушка Анна Михайловна? прошу садиться безъ церемоніи на диванчикъ да и поговоримъ о нашихъ дѣлишкахъ, сказалъ Алексѣй Васильичъ, махая головою, какъ взнузданная лошадь: это была его постоянная привычка.

— Воистину поговоримъ, мой родной, вытягивала голосомъ Анна Михайловна, воистину я тебя люблю словно кровнаго, какъ ты мнѣ пришелся по праву, что голову за тебя готова положить. Истинно люблю.

— Не хотители водочки, Анна Михайловна? спросилъ Чародѣевъ, а то какъ—будто на дворѣ свѣжо и какъ-то холодновато; я самъ, признаться, не пью, еще рано, ну а вы—то, Анна Михайловна, не хотите ли? И Алексѣй Васильичъ налилъ порядочную рюмку сивухи и подаль свахѣ.

— Я, родной мой, признаться тоже не пью, ну да ужъ налилъ, такъ не выливать же на полъ,—и она, не поморщась, выпила цѣлую рюмку и потомъ покатила ее по полу къ ногамъ Алексѣя Васильича, примолвивъ: на корысть, на радость, на доброе здоровье!

Отерши рукавомъ себѣ губы и закусивши кусочкомъ сахарцу, который она вытащила изъ кармана, Анна Михайловна усѣлась на диванъ, который издалъ какой-то жалобный визгъ.

— Ну, родной мой, была я у Воротылиныхъ, согласны, родной, отдать за тебя дочь—то. Барышня и души то въ тебѣ не чаеть и родители не въ супротивности. Готовы отдать. А ужъ барышня—то на диво; и въ столицѣ всѣхъ за поясъ заткнетъ; красавицы другой въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ. Да за то ужъ родителей ея на силу я уговорила. Экіе застарѣлые! свое дѣтище не жалбуютъ; ну да теперь, слава Богу, все благополучно. Завтра поѣзжай къ нимъ. Я буду тамъ прежде и, значить, тебя встрѣчу и обо всемъ переговоришь самъ.

— Ну, а на счетъ приданого то какъ же?

— Насчетъ приданаго-то: ты ужь будь въ спокойствіи; я сама слышала отъ Арины Матвѣевны, что платьевъ матеревыхъ однихъ сорокъ паръ, да пять салоновъ: три лисьихъ, покрыты гардориномъ; да соболій-атласный, да бѣличій, дардедамомъ крытъ; это все про зиму; а на весну бархатный, знатный салонъ на шелку,—важнѣющей салонъ.—Да, родной мой, ужь о приданомъ ты и не говори.—Хоть бы царица такое имѣть такъ не стыдно.—Однихъ башмаковъ двѣнадцать паръ, да разныхъ кофтъ, чепцовъ многое множество. Четверню лошадей даетъ, да карету на лежачихъ лессорахъ, да серебряную сбрую съ бляхами, да и всего не перескажешь. А вотъ ты, родной мой, на счетъ трудовъ-то моихъ какъ думаешь? Тогда обѣщала триста, да послѣ двѣсти, да за хлопоты прибавишь что нибудь? А какъ же? и Анна Михайловна умильно посмотрѣла на Алексѣя Васильича.

— Выполню свое слово, выполню, будьте спокойны, Анна Михайловна, говорилъ Чародѣевъ; какъ женюсь, такъ и отдамъ.

— Такъ, такъ, родной, а все бы не худо, еслибъ ты мнѣ документецъ далъ. Право.

— Да какъ же документецъ?

— Да такъ документецъ, что вотъ дескать мнѣ долженъ пятьсотъ рублевъ, вотъ и все.

— Я, пожалуй, готовъ. Да вотъ вы мнѣ ничего не сказали, сколько Акимъ Сильвестрычъ даетъ за дочерью деньгами?

— Пятьдесятъ тысячъ, не сойди я съ этого мѣста, пятьдесятъ тысячъ, вотъ какъ есть пятьдесятъ тысячъ. Самъ сказывалъ. Ему можно вѣрить.

— Ну хорошо, Анна Михайловна, я вамъ приготовлю росписочку, а вы вечеромъ зайдите.

— Ну хорошо, мой родной, найду, безпремѣнно найду, а теперь просимъ прощенья.

Когда Алексѣй Васильичъ остался одинъ, то началъ думать: а вѣдь это хорошо въ самомъ дѣлѣ жениться да еще на богатой. Пятьдесятъ тысячъ не шутка, на дорогѣ не подымень. Да и дѣвка-то славный кусочекъ! и онъ въ отвѣтъ себѣ прищелкнулъ языкомъ и съ самодовольствіемъ задергалъ головою. Можетъ-быть, относительно женщинъ Чародѣевъ и былъ въ душѣ согласенъ съ Прудонемъ; да онъ о немъ никогда не слыживалъ. Вообще, напряженное размышленіе дѣйствовало самымъ неблагопріятнымъ образомъ на организмъ Алексѣя Васильича; ему становилось тошно и всегда послѣ этого чувствовалась боль подъ ложечкой.—Духовная натура въ немъ уснула съ первыхъ дней рожденія; за то матеріальная развилась въ сильной степени. Ублаженіе себя всѣми возможными способами онъ считалъ первымъ благомъ жизни.

III.

Мнѣ кажется не бесполезнымъ, предпослать дальнѣйшему разсказу краткія біографическія свѣдѣнія объ Алексѣѣ Васильичѣ Чародѣевѣ.

Алексѣй Васильичъ происходилъ отъ Василья Васильича Чародѣева, помѣщика ***ой губерніи и отъ крѣпостной дѣвки Аксины; правда, нѣкоторые уверяютъ, что онъ происходитъ отъ Марьи, жены Ивана, повара; но мнѣ изъ вѣрныхъ источниковъ извѣстно, что онъ былъ сыномъ Аксины, послѣдней метрессы Василья Васильича. Впрочемъ по метрическимъ книгамъ онъ числился законнымъ сыномъ, потому что жена Василья Васильича, избѣгая побоевъ, признала это дурное племя за истинное свое чадо. Алексѣй Васильичъ до десятилѣтняго возраста, пробавлялся съ дворовыми ребятами: играя съ ними въ бабки, въ свайку, бивалъ самъ и былъ битъ неоднократно. Десяти лѣтъ его отдали въ гимназію, гдѣ онъ и началъ свое поприще умственнаго образованія. Въ 17 лѣтъ онъ дошелъ до третьяго класса, но слишкомъ близко сошелся съ директорскою горничной и за это и вообще за тупость былъ изгнанъ изъ гимназіи. Относительно наукъ, которыми его обучали, онъ ушелъ не далеко. Аттестатъ, выданный ему за подписью всѣхъ учителей, гласилъ, что онъ исключенъ за то, что тупъ, глупъ и не развитъ.—Учитель математики, губернской острякъ, такъ отзывался о Чародѣевѣ: что Чародѣевъ, что корова—это одно и то же, и по рождѣ, и по кожѣ, и по уму, въ особенности по послѣднему. Василій Васильичъ, узнавъ объ исключеніи сына, крѣпко на него разсердился, и какъ говорятъ, въ теченіе мѣсяца разъ десять поролъ его на конюшнѣ. Долго думалъ Василій Васильичъ, куда бы упрятать свое дорогое дѣтище, да на его счастье полковой командиръ стоявшаго здѣсь полка былъ ему знакомъ. Хотя командиръ и былъ Нѣмецъ, но къ русской деревенской красотѣ онъ не могъ оставаться равнодушнымъ. Правда, наши деревенскія матроны мало ходятъ на Лизхень, Королинхень и другихъ бѣленькихъ нѣмочекъ съ голубыми глазами, но по пословицѣ: на безрыбьѣ и ракъ рыба.

Въ деревнѣ Василья Васильича была дѣвка, которая сильно приглянулась командиру Пѣмцу.—Василій Васильичъ отдалъ ему дѣвку и въ придачу просилъ взять сына. Пѣмецъ согласился и дѣло было рѣшено. Такииъ-то образомъ мой герой попалъ въ военную службу. Зная очень хорошо значеніе этой дѣвки, которая стала называться почему-то Марьей Александровной, Чародѣевъ, какъ опытный человекъ, цѣловалъ у нея красныя руки особенно въ присутствіи своего командира и этимъ заслужилъ его полное расположеніе. Предупредительность къ начальству — вещь важная, говаривалъ одинъ иска-

тельный господинъ; Чародѣвъ инстинктивно понималъ это и оставивши въ покоѣ честь и совѣсть, началъ службу. Прошло года полтора и полковой командиръ представилъ его къ офицерскому чину за отличную выслугу по фронту. Чародѣва произвели въ прапорщики и вскорѣ сдѣлали адъютантомъ. Его карьера была сдѣлана. На бѣду Чародѣва полковой командиръ умеръ, и назначенный вмѣсто его былъ человекъ прямой. Полковникъ не влюбилъ Чародѣва за излишнюю и неумѣстную услужливость, и заставилъ его перейти въ другой полкъ. Другіе впрочемъ увѣряютъ, что въ переводѣ Чародѣва виноватъ онъ самъ, потому что, проигравъ рублей пятьдесятъ въ карты, онъ не могъ расплатиться, за что и былъ побитъ и даже секретно отечески наказанъ достопочтеннымъ обществомъ гг. офицеровъ. Въ теченіе слѣдующихъ осьми лѣтъ Алексѣй Васильичъ уподоблялся вѣчному жиду, переходя изъ одного полка въ другой и наконецъ попалъ въ полкъ, въ которомъ мы его застали въ началѣ нашего разсказа. Полкъ этотъ около двухъ лѣтъ стоялъ въ городѣ N и Чародѣвъ успѣлъ порядкомъ задолжать всѣмъ и каждому. Женидбой думалъ онъ поправить свои далеко некрасивыя обстоятельства. Онъ говорилъ всѣмъ, что женится изъ расчетовъ, что беретъ, кромѣ всего приданого, еще чистыми денюжками около полумилліона и молодежь ему вѣрила. Только казначей, человекъ разсудительный съ хохолкомъ на макушкѣ, говорилъ, что если Чародѣвъ не вретъ, такъ его обманываютъ. Женидба на богатой была всегдашней мечтою Алексѣя Васильича, онъ наименьшимъ назначалъ сто тысячъ, а maximum доходило пожалуй до милліона. А вправду еще и до сихъ поръ есть довольно юношей, этакъ лѣтъ за тридцать и съ хвостикомъ, которые убѣждены, что для того, чтобы жениться на богатой, довольно одного — быть мужчиной. Они не хотятъ принять въ расчетъ часто своего неблагообразія, даже иногда уродливости; они не хотятъ понять того, что за женино приданое имъ должно припестъ себя въ ея полное расположеніе, дать ей видное общественное положеніе, обладать въ нѣкоторой степени образованіемъ на случай недостатка природнаго ума. Впрочемъ нравственныя качества этихъ господъ сомнительной чистоты, убѣжденія ихъ далеко небезукоризненны, и со стороны они кажутся смѣшными. —

Насталъ день смотришь жениха и невѣсты. Въ домѣ Акима Сильвестрыча, разбогатѣвшаго троекратнымъ банкротствомъ и пріобрѣтшаго на имя супружницы двѣ фабрики, — съ ранняго утра все обчищалось обмахивалось, отряхалось и выколачивалось. Самъ Акимъ Сильвестрычъ съ особымъ тщаніемъ примазалъ себѣ голову коровьимъ масломъ и въ шесть часовъ утра былъ уже готовъ встрѣчать будущую роденьку. Всѣ прикащики были наряжены въ синіе кафтаны, объ этомъ позабо-

тилась Ирина Матвѣвна, которая нарядилась въ гарнитуровый красный капотъ, падѣла шаль, теплую какъ печь, не смотря на май мѣсяцъ; голову повязала зеленою косыпчочкой, которой концы образовали спереди небольшіе рожки. Лицо натерла изобильно бѣлилами, и ругая, а гдѣ нужно, и шлепая своею полноувѣсною ручкой, погоняла недогадливую и сальную прислугу. Все было въ ожиданіи чего-то особеннаго. — Въ девять часовъ явилась сваха, а въ одиннадцать прикатилъ женихъ на лихой адъютантской парѣ рысаковъ. Только невѣста еще не показывалась. Ее шнуровали и стягивали три горничныя и не смотря на потъ, лившійся со всѣхъ, не могли уменьшить полноту, которая стаповилась замѣтною уже мѣсяца два. Отчего она произошла, я по истинѣ не знаю, впрочемъ главный прикащикъ, Николай, могъ бы это объяснить обстоятельнѣе, нежели сама Ксенія Акимовна, которая въ простотѣ души ничего не подозрѣвала. Наконецъ этотъ цвѣтокъ изъ купческаго палисадника явился въ гостиную. Ксенія Акимовна была дѣвица полная, средняго роста и представляла вылитый портретъ своего нѣжнаго папаша. Она обладала плутовскими черненькими глазками, лицомъ бѣлымъ, полнымъ съ румянцемъ во всю щеку, ротикомъ, украшеннымъ черненькими зубками и съ русыми волосами, причесанными по модѣ временъ регентства. На ней было зеленое бархатное платье и также, какъ на матери, огромная турецкая шаль краснаго цвѣта. Жениха и невѣсту посадили на диванъ. Чародѣвъ, не желая ударить лицомъ въ грязь и показаться дуракомъ, прервалъ тягостное молчаніе, царствовавшее въ гостиной съ самаго его пріѣзда.

— Какъ идетъ ваша торговля? обратился онъ къ будущему тестю.

— Грѣхъ жаловаться, отвѣчалъ Акимъ Сильвестрычъ, и при этомъ запустилъ пятерню въ волосы и почесалъ маковку.

— По моему мнѣнію, продолжалъ женихъ, купческое сословіе самое почетное, ему бы надо даровать тѣ же, если не большія права, чѣмъ дворянству. Это сословіе, столь мною почитаемое и за свою торговлю, и за свою набожность, и за умъ, должно сдѣлаться въ будущемъ первымъ сословіемъ, сословіемъ первенствующимъ и...

— Да, оно конечно, отвѣчалъ Акимъ Сильвестрычъ, да и между нашимъ братомъ попадаются всякіе, какъ и между дворянами...

— Такъ, такъ, Акимъ Сильвестрычъ, подхватилъ Чародѣвъ, между дворянами попадается очень много дурныхъ людей, тогда какъ между купцами дурные составляютъ исключеніе.

Сообразивъ, что тестю сказано довольно, онъ обратился къ невѣстѣ.

— Вы много читаете?

— Я ничего не читаю, отвѣчала невѣста.

— Литература пріятное занятіе, сказалъ наставительно женихъ; это улучшение вкуса и пища ума. — Особенно хорошо это... стихи. — Неужели вы не читали Пушкина?

— Нѣтъ, не читала. Это кто такой Пушкинъ? генераль?

Чародѣевъ хватилъ грѣхъ на душу: онъ и самъ никогда не читалъ Пушкина, а слышалъ о немъ отъ вольнодумца Расторгуева. Этотъ Расторгуевъ потому и пазывался вольнодумцемъ, что читалъ Пушкина и многое зналъ изъ него наизусть. Название это онъ получилъ отъ дивизионнаго начальника, извѣстнаго антилиберала, прочитавшаго и знавшаго по пораграфамъ всѣ пять книжекъ устава и никакъ не могшаго понять, какъ можно изучать аванпостное ученье и заниматься литературой. По его мнѣнію, аванпостное ученье было также что-то литературное. Когда Ксенія Акимовна предложила свой вопросъ о Пушкинѣ, то Алексѣй Васильичъ такъ объяснилъ ей личность поэта:

— Пушкинъ? да, онъ былъ въ генеральскомъ чинѣ и сочинялъ трагедіи, комедіи, басни и вообще разные стишки. Онъ извѣстный сочинитель. —

Подобное умственное напряженіе и вообще истощеніе его репертуара заставило его подняться. Онъ началъ расклапываться и, какъ вѣжливый кавалеръ, подошелъ къ ручкѣ своей невѣсты.

— Будьте знакомы, прошу любить и жаловать, сказалъ Акимъ Сильвестрычъ, разглаживая въ плутовствѣ посѣдѣвшую бороду и умильно улыбаясь. —

Алексѣй Васильичъ также пріятно улыбнулся.

Ксенія Акимовна поклонилась козочкой и закрыла рукою ротъ. Такъ сосватанные разстались. Свахѣ было объявлено, что женихъ поправился и что чрезъ двѣ недѣли будетъ свадьба. — Въ эти двѣ недѣли Алексѣй Васильичъ преобразился совершенно, писалъ къ своей суженой любовные стишки, любезничалъ до пошлости, впрочемъ не подозрѣвая этого нисколько. Ксенія Акимовна сама выводила каракули въ отвѣтъ своему жениху. Прошелъ и двиншикъ, наступило время свадьбы. Ихъ вѣнчали утромъ въ соборѣ. Послѣ чего былъ обѣдъ блюдъ изъ двадцати очень жирныхъ и вообще безвкусныхъ, Вино всѣхъ сортовъ и названій выпивалось въ огромномъ количествѣ. Полковая музыка играла до истощенія силъ. Всѣ были довольны, всѣ веселы, только молодой былъ какъ-то не по себѣ, ему чего то недостовало. Злобно поглядывалъ онъ на тестюшку, который, не смотря на клятву предъ образомъ Богородицы, все-таки обманулъ его и кромѣ тряпья и пятисотъ рублей не далъ ему ничего. Но Алексѣй Васильичъ на вопросъ одного изъ товарищей, получилъ ли онъ деньги, отвѣчалъ утвердительно киваніемъ и шопотомъ прибавилъ: все ломбартными. Вечеромъ былъ балъ. На балѣ было доволь всего, начиная съ нѣжныхъ танцоровъ и оканчивая

всею возможною провизіей. Одинъ уѣздный острякъ называлъ этотъ вечеръ *шницль-баломъ*, а полковой командиръ, считавшій себя аристократомъ, презрительно взглянувъ на танцующихъ, сказалъ: какая буржуазія! — Впрочемъ всѣ были довольны и балъ окончился сытнымъ ужиномъ изъ двѣнадцати блюдъ, уже въ 7 часовъ утра. — Подъ конецъ ужина молодой былъ въ хорошемъ расположеніи духа и, обнимая тестюшку, приговаривалъ: родной отецъ! другаго не хочу. —

Медовый мѣсяцъ прошелъ благополучно, если не считать мелкихъ размолвокъ между супругами изъ-за пустяковъ — изъ-за денегъ. Только финальный день медоваго мѣсяца былъ бурный. Это было семейное Ватерлоо, впрочемъ роль Наполеона досталась на долю нашего героя.

Утромъ явились кредиторы Алексѣя Васильича изъ всѣхъ сословій города: тутъ были сапожники, лавочники, жидыи прочіе, всѣ съ росписками и формально приступили какъ, съ пожемъ къ горлу. Чародѣевъ хотѣлъ прибѣгнуть къ обыкновенной уловкѣ поподчивать завтракомъ что онъ уже неоднократно и съ успѣхомъ употреблялъ въ теченіе своей холостой жизни и медоваго мѣсяца.

Но тутъ приходилось плохо. Хоть ложись и умирай. Алексѣй Васильичъ, видя себя въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, отправился къ супругѣ своей.

Ксенія Акимовна была не въ духѣ: она только что встала и прибила горничную, которая ей сказала что-то грубое, поэтому она встрѣтила своего мужа сердитымъ взглядомъ и намѣрена была выдержать атаку твердо и отразить нападающаго.

— Вотъ, что мнѣ прикажешь дѣлать? говорилъ Чародѣевъ, обращаясь къ женѣ. Денегъ требуютъ, а гдѣ мнѣ ихъ взять? Твой старый чортъ надулъ меня. — Этакая скотина!

— Такъ ты изъ-за денегъ на мнѣ женился?

— Конечно; неужели это для тебя новость?

— Ну, и подѣломъ вору и мука!

— Нѣтъ, врешь, дура, не я воръ, а твой отецъ, мошенникъ.... Алексѣй Васильичъ задыхался отъ ярости.

— Самъ ты мошенникъ. Нѣтъ тебѣ денегъ да и не будетъ. Пускай тебя посадятъ въ яму. Я буду очень рада.

Чародѣевъ вѣ себя кинулся къ ней съ сжатыми и поднятыми кулаками, и готовъ былъ нанести ей жестокіе побои, какъ вдругъ пріятная мысль посѣтила его голову и онъ быстро ушелъ отъ жены, захлопнувъ за собою двери. — Онъ отправился въ спальную, гдѣ въ туалетныхъ ящикахъ хранились женнины брилліанты; ими онъ рѣшился уплатить долги. Но къ его несчастію туалетъ былъ запертъ. Алексѣй Васильичъ началъ разламывать замокъ, чего безъ шума пельзя было сдѣлать. Ксенія Акимовна услышала шумъ, и, какъ коршунъ, налетѣла

на свою жертву, которая успѣла уже сломать замокъ и схватить брилліантовую нитку съ фермуаромъ. Супруга вцѣпилась въ жидкіе волосы своего супруга, который отъ неожиданности рѣшительно смѣшался и, только понявъ свое положеніе, началъ отчаянную оборону.

«Здѣсь грянулъ бой, ужасный бой.»

Ксенія Акимовна пустила въ ходъ кулаки, ноги, зубы и отстояла свою собственность, получивъ впрочемъ тоже нѣсколько контузій. Алексѣй Васильичъ лишился значительной части своихъ волосъ и убѣжалъ, заперевъ предварительно свою разъяренную жену въ спальнѣ. — Въ курьезномъ видѣ явился онъ къ кредиторамъ и объявилъ, что завтра отдастъ имъ деньги, что сегодня жена его больна и онъ не рѣшился ее беспокоить. Кредиторы, подумавъ, отправились по домамъ, а Чародѣевъ въ кабинетъ. Закуривъ трубку, онъ потерялъ себя по лбу и принялъ самый глубокомысленный видъ. Что теперь дѣлать? Хоть удавись... Ужасно... надо рѣшиться на послѣднее. А для этого надо помириться съ женой, повидаться съ прикащикомъ Николаемъ, нанять лошадей, а тамъ... или панъ, или пропалъ! Ну что тутъ думать! Чѣмъ чортъ не шутить? — И Алексѣй Васильичъ погрузился снова въ раздумье. Выкуривъ десятокъ трубокъ и приведя себя въ порядокъ, онъ отправился къ супругѣ, которая кричала и вопила изо всѣхъ силъ. Алексѣй Васильичъ, войдя въ спальню, принялъ самый смиренный видъ и, ставъ на колѣни, началъ вымаливать себѣ прощеніе. Долго раздраженная Ксенія Акимовна ничего не хотѣла слушать, но наконецъ, видя искренность раскаянія, протянула ему руку, которую Чародѣевъ поцѣловалъ съ подобострастіемъ. Такимъ образомъ миръ былъ заключенъ. Когда она успокоилась, Алексѣй Васильичъ началъ говорить.

— Послушай, ангелъ мой, душка моя, и при этомъ онъ съ увлеченіемъ поцѣловалъ толстую руку супруги; денегъ у меня нѣтъ, долговъ платить нечѣмъ, а вотъ что я придумалъ...

— Ну, что еще?

— Послушай, надо уѣхать изъ города на время, а тамъ, какъ Богъ дастъ.

— Нѣтъ, дружокъ, этому не бывать. Я не поѣду.

— Ну, такъ я уѣду одинъ.

— А я тебя не пущу. Однако, куда ты хочешь ѣхать?

— Въ Москву. У меня тамъ богатый дядя, сказалъ Алексѣй Васильичъ — и солгалъ.

— Тамъ, говорятъ, хорошо, очень хорошо. Я согласна. Надо съ тятенькой посоветоваться.

— Отнюдь не надо. Иначе ты все дѣло испортишь.

— Сдѣлай одолженіе, будь спокойна. Надо все приготовить, а тамъ увидимъ.

На этомъ было рѣшено. Въ ночь они хотѣли выѣхать и къ утру быть верстѣ за тридцать.

Было часовъ семь пополудни. Алексѣй Васильичъ нанялъ уже лошадей. Однако по всему было видно, что онъ былъ далеко не спокоенъ. Пробыло восемь часовъ, подали самоваръ. Акимъ Сильвестрычъ ввалился въ чайную и, посмотрѣвъ на дочь, спросилъ.

— Ну что? здоровы? дружно живете? —

Дочь бросилась къ паненькѣ. Алексѣй Васильичъ тоже подошелъ къ ручкѣ. Разговоръ шелъ о томъ, что Акимъ Сильвестрычъ выручилъ тысячу десять за хлѣбъ, да тысячу двадцать за сало и вслѣдствіе этого, будучи въ хорошемъ расположеніи духа, обѣщавъ подарить тысячу зятю. — Самоваръ уже три раза подогрѣвали. Алексѣй Васильичъ незаметно скрылся. Пробыло десять часовъ, его не было; наконецъ въ одиннадцатомъ явился онъ, красный, какъ ракъ, по съ довольнымъ лицомъ. Акимъ Сильвестрычъ простился и уѣхалъ домой. — Едва онъ перевалился за порогъ, какъ Чародѣевъ бросился къ женѣ и, судорожно обнявъ ее, поцѣловалъ крѣпко.

— Пора, душечка, ѣхать; лошади готовы и ждутъ насъ. Сборы были не продолжительны. Людямъ приказано было всѣмъ говорить, что баринъ съ барыней уѣхали въ гости въ деревню къ помѣщику Р., и скоро возвратятся. Вѣрный Парфень, который все еще числился при Чародѣевѣ, остался сторожемъ. Тройка дернула и молодые покатали по Московской дорогѣ. Верстѣ за семь отъ города къ нимъ присоединился прикащикъ Акима Сильвестрыча — Николай, котораго близкія сношенія съ Ксеніей Акимовной еще не были извѣстны Алексѣю Васильичу. Чародѣевъ безпрестанно погонялъ ямщика и къ разсвѣту былъ далеко отъ тестя, отъ тещи, отъ кредиторовъ и отъ всего города N.

Въ то время, какъ нашъ герой летѣлъ въ Москву на лихой тройкѣ, у Акима Сильвестрыча случилась пропаша. Шкатулка, привинченная подъ образами, вдругъ исчезла. Напрасно полиція изощряла свои способности цѣлую ночь: ничего не открыли. — Только на утро объяснилось дѣло. —

Говорятъ, Акимъ Сильвестрычъ больше не отыскивалъ вора.

Эксцентрикъ.

КОЛОССАЛЬНАЯ ГОСТИНИЦА ВЪ НЬЮ-ІОРКѢ.

Въ Соединенныхъ Штатахъ сѣверной Америки многія тысячи семействъ не держатъ своего хозяйства, а живутъ въ гостиницахъ или на хлѣбахъ въ особыхъ домахъ, устроенныхъ со всевозможными удобствами. Мужъ занимается своимъ дѣломъ, а женѣ не надо заботиться ни о порядкѣ въ комнатахъ, ни о кухнѣ, ни о погребѣ; она только занимается брѣнчапиемъ на фортопиано и чтеніемъ романовъ, и тѣмъ убиваетъ весь день. Само собою разумѣется, что въ подобныхъ общественныхъ казармахъ семейная жизнь не можетъ про-

цвѣтатъ. Прежде Американцы строили въ своихъ торговыхъ и портовыхъ городахъ гостиницы для сотни людей, теперь же они устраиваютъ великолѣпныя зданія, въ которыхъ могутъ найтись пріютъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, и, не имѣя изящнаго вкуса, подавляютъ ихъ всевозможною роскошью. Великолѣпіе ихъ грубо, полудико и въ постройкахъ ихъ всѣ стили перемѣшаны самымъ смѣшнымъ образомъ. У зданій въ готическомъ стилѣ находятся коринскія колонны и полукруглыя и заостренныя окна. Эти архитектурныя чудовища поражаютъ своею громадною массою, но не производятъ пріятнаго впечатлѣнія. Къ подобнымъ зданіямъ принадлежитъ новая гостиница въ Нью-Йоркѣ, которая скоро будетъ окончена. Она стоитъ почти на двухъ десятинахъ (Morgen) земли. Главный фасадъ зданія имѣетъ двѣсти футовъ, правая сторона еще 15 футами длиннѣе, а лѣвая двумя футами короче. Кромѣ нижняго, въ немъ еще шесть этажей и высота его 110 футовъ. Наружный видъ его обличаетъ удивительное безвкусіе. Все зданіе вмѣстѣ, похоже на обыкновенную пуховую шляпу безъ полей; отдѣльныя украшенія—одни слишкомъ массивны, другія слишкомъ малы, коллонады слишкомъ узки и низки. Одна большая Нью-йоркская газета, сообщая подробность объ этомъ зданіи, пишетъ: «У насъ нѣтъ искусныхъ архитекторовъ, нѣтъ искусныхъ работниковъ, нѣтъ публики, понимающей красоту и изящество. У насъ нѣтъ политехническихъ заведеній, гдѣ бы молодые люди учились рисовать и дѣлать модели, люди, приставленные смотрѣть за постройкою, ничего не понимаютъ въ этомъ дѣлѣ». Въ отношеніи практическомъ Американцы умѣютъ устраивать подобные дома для всѣхъ потребностей публики; они, конечно, при этомъ не экономичаютъ. Эта гостиница стоитъ 750,000 долларовъ. На столовую и кухонную посуду назначено 180,000 долларовъ. Однѣхъ жилыхъ комнатъ въ ней 500; кромѣ того еще 125 залъ съ принадлежащими къ нимъ комнатами; въ каждой изъ нихъ есть комната съ ванной и особенный маленькій ватер-клозъ. Нѣкоторые изъ этихъ залъ или комнатъ для разговоровъ, имѣютъ 27 ф. длины и 15 ширины. Для домашней прислуги находится 90 комнатъ на чердакахъ и устроены такъ, что, мужчины совершенно отдѣлены отъ женщинъ. Въ срединѣ зданія находится комната для прислуги гостей. Во всѣхъ окнахъ комнатъ прислуги находятся сѣтки изъ проволоки, чтобы ничего нельзя было выронить или выбросить на улицу. Провѣтриваніе устроено во всемъ зданіи превосходно. Столовая зала имѣетъ въ длину 80, въ ширину 60 и высоту 21 футъ и есть самая большая во всемъ Нью-Йоркѣ; чайная комната, въ которой дамы собираются по вечерамъ, вполнѣ меньше этой залы и соединяется съ нею. Двѣ пріемныя комнаты для дамъ, каждая

длиною въ 56 и шириною 28 футовъ, между ними корридоръ и большая столовая зала, достаточная для помѣщенія самыхъ обширныхъ криполиновъ. Комнаты эти съ мраморными стѣнами. Корридоръ, длиною въ 650 и шириною въ 10 футовъ, идетъ внутри кругомъ всего зданія, и вмѣсто обоевъ въ немъ зеркальныя стѣны. Большія сѣни въ 105 футовъ длины, 27 ширины и 15 вышины; кромѣ того, въ этомъ зданіи есть еще три другіе входа. Буфетная и комната для чтенія находится въ бельэтажѣ, билліардная зала въ нижнемъ этажѣ. Все зданіе отапливается посредствомъ водяныхъ паровъ, а газъ для освѣщенія готовится въ самомъ зданіи; кухня находится во второмъ этажѣ въ однихъ сѣняхъ со столовою и пространство надъ нею свободно, чтобы весь запахъ выходилъ на воздухъ. Для этого устроена труба въ 140 ф. вышины, и еще три другія для очищенія воздуха во всемъ зданіи. Свѣжій воздухъ проводится въ него посредствомъ гигантскаго вѣера. Всѣ стѣны покрыты несгораемымъ составомъ, толщиною въ дюймъ, и приняты всѣ мѣры, чтобы пожаръ могъ причинить самый незначительный вредъ; для того на чердакѣ находится три резервуара, которые вмѣстѣ заключаютъ въ себѣ 20,000 галлоновъ воды, и изъ конхъ въ каждый этажъ проведены трубы, съ помощію которыхъ потушить пожаръ—сухая бездѣлица. Но не слишкомъ ли утомительно всходить на четвертый или даже на шестой этажъ, на нѣсколько сотъ ступеней? Конечно; но для этого принята мѣра, чтобы жилецъ шестаго этажа такъ покойно достигалъ своей комнаты, какъ и жилецъ перваго. Къ его услугамъ находится отвѣсная желѣзная дорога—т. е. тѣлѣжка, въ которой онъ посредствомъ паровой силы можетъ отправляться наверхъ или внизъ. Поѣздъ внизъ управляется гидравлическою силою. Тѣлѣжка съ рукояткой посредствомъ винта подвигается вверхъ или внизъ; она останавливается въ каждомъ этажѣ, высаживаетъ пассажировъ этого этажа и принимаетъ другихъ; тоже самое дѣлается съ поклажею. Изобрѣтатель этого устройства, природный Янки изъ Бостона, по имени Отисъ Туптсъ. Само собою разумѣется, что въ домѣ нѣтъ недостатка въ лѣстницахъ. Умный человѣкъ, устроившій внутренность этой гостиницы, былъ Вашбурнъ. Онъ началъ свое поприще ученикомъ у лѣщика а теперь самый знаменитый архитекторъ американскихъ гостиницъ; онъ строитъ въ одно время двѣ гостиницы въ Бостонѣ, одну въ Филадельфій и одну въ Мабидѣ. Все это прекрасно; но худо то, что во всѣхъ этихъ колоссальныхъ каравансараяхъ кушанья изъ рукъ вонъ плохи: хорошая кухня, вкусно приготовленныя блюда—доказательство цивилизаціи, а въ Сѣверной Америкѣ Янки готовятъ очень дурно.

МУДРОСТЬ НА КАФЕДРѢ.

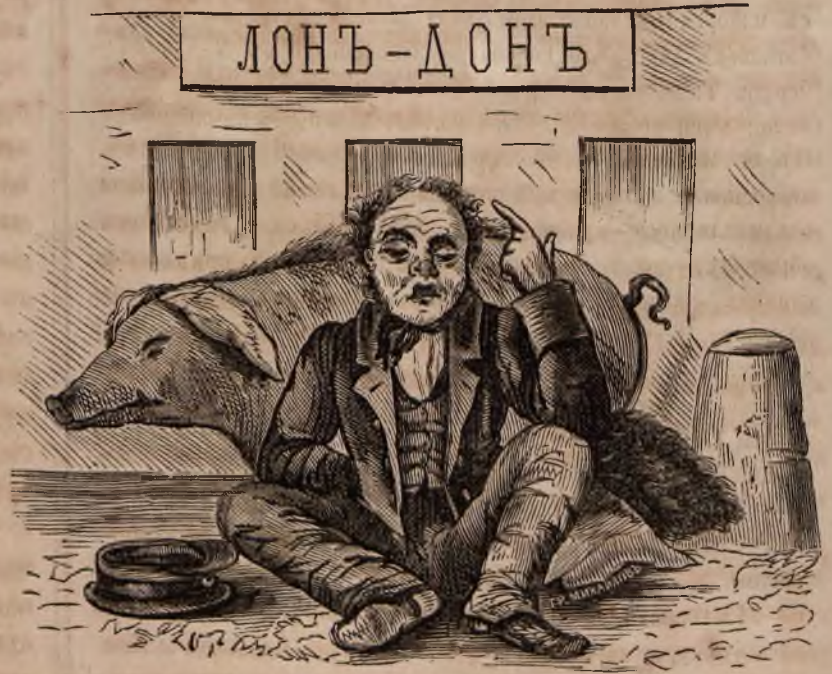
(Рис. К. И. Вебера.)



Философія духа.

Человѣкъ, мм. гг., состоитъ изъ тѣла и души. Тѣло, это то, что есть, что мы видимъ, осязаемъ. Духъ, душа,— то, чего мы не видимъ, не осязаемъ,— словомъ, чего нѣтъ въ человѣкъ.... Вы меня понимаете?

(Рис. А. С. Любовникова.)



Кто это тутъ шевелится? (шупаетъ) а! въ еповой шубѣ: это нашъ братъ, титулярный.

ЛЮДСКІЯ ГЛУПОСТИ.

ПОЭМА.

(Но не въ стихахъ, ибо я человѣкъ современный и, не будучи поэтомъ, писать стиховъ не стану, хотя даромъ риемоплетства Господь и одарилъ меня.)

ВВЕДЕНІЕ.

....Итакъ, я рѣшился написать поэму, — оригинальную поэму, въ которой бы воспѣвались Людскія Глупости... Богатый, неистощимый сюжетъ! Я не понимаю, отчего на него до сихъ поръ не обратили вниманія... Впрочемъ, тѣмъ лучше, что не обратили: это доставило возможность и мнѣ попасть... если не въ поэты, то, по крайней мѣрѣ, въ литераторы (я твердо убѣжденъ, что рано ли, поздно ли, а мое созданіе увидитъ свѣтъ)... Итакъ: пою Людскія Глупости... Но «нѣтъ дѣйствія безъ причины», — а потому и моя поэма имѣетъ свою причину, о которой считаю себя обязаннымъ сказать нѣсколько словъ. «Въ тѣ дни, когда мнѣ были повы въ впечатлѣнія бытія», мой учитель зоологіи произнесъ передо мной слѣдующую фразу, которая тогда глубоко запала въ мою юную душу: «человѣкъ есть животное разумное», сказалъ онъ и потомъ прибавилъ для вящаго доказательства: «*homo est animal sapiens*». Я понималъ кое-что по-латыни — и вполне убѣдился неопровержимымъ доводомъ моего почтеннаго наставника. Но, видно, *errare humanum est*: мой учитель зоологіи ошибся: чѣмъ больше я живу на свѣтъ,

тѣмъ больше убѣждаюсь, что въ афоризмъ добраго старичка нѣтъ ни малѣйшаго смысла. Это убѣжденіе въ послѣднее время такъ сильно развилось во мнѣ, что я даже рѣшился записывать всѣ факты (такъ какъ я сынъ девятнадцатаго вѣка и ни во что кромѣ фактовъ не вѣрю)— всѣ факты, подтверждающіе мою мысль... Вотъ исходная причина моей поэмы; а записанные факты—будутъ ея содержаніемъ. Dixi.

Пѣснь I.

(О нѣкоемъ рыцарѣ, волею судебъ ставшемъ судьей людскихъ дѣяній—гражданскихъ и уголовныхъ).

Нужно вамъ сказать, что я вообще ненавижу всякую дерзость; но одинъ разъ эта ненависть дошла во мнѣ до своего maximum. Это было въ то утро, когда я случайно встрѣтился съ Иваномъ Максимовичемъ. Иванъ Максимовичъ всегда производилъ на меня скверное впечатлѣніе, но въ это отвратительное утро онъ рѣшительно вывелъ меня изъ терпѣнія — и вывелъ именно *своею дерзостью*, своею ужасною, колоссальною дерзостью.... Начать съ того, что Иванъ Максимовичъ кромѣ командованія батальономъ рѣшительно ни къ чему не годится, — и онъ, какъ видно, рано созналъ это, ибо изъ третьяго класса гимназій бросился въ станъ русскихъ воиновъ и — о судьба! — добился тамъ до полковничьяго чина. Нанюхавшись пороку (только въ зернахъ: въ дѣлѣ мой витязь никогда не бывалъ), Иванъ Максимовичъ приобрѣлъ воинскую осанку и марсовскій взглядъ на міръ: сталъ грозно смотрѣть на всѣхъ

и считать море по колено. Ужь за одно это я ненавидѣлъ его,—по это еще цвѣтики: ягодки будутъ впереди... Вмѣстѣ съ майорскими эполетами Ивану Максимовичу дали какой-то батальонъ какого-то полка, расположеннаго въ N-ской губерніи. Тамъ-то въ первый разъ я и зазналъ героя первой пѣсни моей поэмы. Сдѣлавшись батальоннымъ командиромъ, Иванъ Максимовичъ возгордился превъше всяческая: вѣтъ, не посившіе эполетъ, или посившіе ихъ, но безъ каинтели, стали для него—травя-травя; онъ на нихъ и вниманія не обращалъ,—но за то, помня артикулъ воинскій, внимательно считалъ звѣзды... на каинтельныхъ эполетахъ, отдавая имъ должное. Научныхъ понятій Иванъ Максимовичъ ни о чемъ не имѣлъ; журналы онъ звалъ только по заглавію; а книгъ (исключая приходо-расходныхъ) онъ даже и по заглавію не зналъ. Голова его вмѣщала въ себя только одну систему — систему батальоннаго ученія.

— Ну, что поддѣлываете хорошенькаго? часто я спрашивалъ у Ивана Максимовича, желая колнуть его этимъ вопросомъ.

— Гм! отвѣчалъ онъ, закручивая свой усъ и храбро озираясь:—учу, сударь мой, — солдатъ учу.

— Этого мало, продолжалъ я, стараясь поставить виднѣе свой вопросъ:—солдатъ учить и фельдфебель, а вы-то что дѣлаете?

— Я — батальонный командиръ, а не фельдфебель, гордо отвѣчалъ Иванъ Максимовичъ, и, кинувши на меня презрительный взглядъ, отходилъ прочь.

Тѣмъ болѣею частью и кончались наши разговоры, за что Иванъ Максимовичъ терпѣть меня не могъ и всячески старался убѣдить всѣхъ нашихъ общихъ знакомыхъ, что я ужасный вольнодумецъ и не имѣю ни малѣйшаго почтенія къ старшимъ.

Наконецъ Ивана Максимовича произвели въ подполковники, а за тѣмъ, съ теченіемъ времени, и въ полковники... Что сталося съ нимъ съ того момента—я и описать не берусь: словомъ, съясн въ немъ прибавилось на столько, что для меня онъ сталъ просто отвратителемъ. За тѣмъ онъ исчезъ изъ N-ской губерніи, и я долго не видалъ его. Такимъ образомъ прошло несколько лѣтъ. Вдругъ въ одно утро — въ то мерзкое утро, когда моя ненависть къ дерзости дошла до своего maximum, — я встрѣчаю Ивана Максимовича уже въ городѣ NN. Ужь отъ одной этой встрѣчи меня покорибило, но я преодолѣлъ свое отвращеніе и слегка пожалъ протянутую мнѣ Иваномъ Максимовичемъ руку.

— Ну, какъ живете-можете? обратился онъ ко мнѣ съ вопросомъ.

Я проворчалъ что-то сквозь зубы.

— Ну, а вы? спросилъ я въ свою очередь.

— Ничего, живу себя... Перемѣнилъ службу.

Я пристально взглянулъ на него. Мнѣ показалось, что я ослышался, до такой степени для меня было невѣроятнымъ, чтобъ Иванъ Максимовичъ могъ когда-нибудь перемѣнить службу.

— Вы перемѣнили службу? спросилъ я наконецъ, желая удостовѣриться въ слышанномъ.

— Да.

И онъ назвалъ мнѣ мѣсто своего новаго служенія. Я едва не вскрикнулъ отъ ужаса: до такой степени была страшна сообщенная мнѣ Иваномъ Максимовичемъ новость.

— Какже это вы попали туда? едва произнесъ я.

— А вотъ то-то, батюшка мой, вы все нападали на протекцію, съ сіяющимъ лицомъ отвѣчалъ мнѣ Иванъ Максимовичъ:—пѣтъ, протекція—великое дѣло... Не будь у меня добрыхъ людей въ Петербургѣ, мнѣ бы этого мѣста и во снѣ не видать... Положимъ, я полковникъ (тутъ Иванъ Максимовичъ ловко встряхнулъ эполетами), но вѣдь не всѣ же полковники могутъ добраться до такой благодати: нуженъ случай, ходатайство; въ наше время лѣсомъ дороги еще не проложись.

Въ особенности ужъ ты-то, подумалъ я и поспѣшилъ поскорѣй оставить Ивана Максимовича: я чувствовалъ, что если я пробуду съ нимъ еще одну минуту, у меня непременно разольется жолчь.

Но, разставшись съ Иваномъ Максимовичемъ, я все еще не могъ успокоиться. Мысли одна другой мрачнѣе вереницей толпились въ головѣ моей и мучили меня невыносимо... А все моя проклятая способность живо переноситься въ положеніе другаго и горевать отъ чужаго горя!... И къ чему она? сколькохъ пріятныхъ, сладкихъ, обломовскихъ минутъ лишаетъ она меня въ жизни!.. Что мнѣ до Ивана Максимовича, что мнѣ до его новаго мѣста?—а между тѣмъ мнѣ тяжело, больно, какая-то тоска давить душу... Вотъ, видится мнѣ Иванъ Максимовичъ на председательскомъ креслѣ; сидитъ онъ à la Юпитеръ громовержецъ и мечетъ перуны —а самъ вѣдь глупъ, непроходимо глупъ и ничего не смыслить, что дѣлается вокругъ него. А вокругъ его обвиняется невинный, оправдывается виновный, берутся взятки, продаются законъ, честь, совѣсть, совершается самое гнусное крючкотворство. А Иванъ Максимовичъ ничего не видитъ, ничего не понимаетъ и только потряхиваетъ своими густыми эполетами и гордо поглядываетъ кругомъ: я, молъ, вашъ начальникъ, понимаете ли?—то-то!... А развѣ за тѣмъ его назначили, развѣ это имѣло въ виду правительство, сажая его на председательское кресло?.. Ну не стоить ли казни, публичной, торговой казни, тотъ человекъ, который, пользуясь своимъ вліяніемъ, помогъ Ивану Максимовичу получить это мѣсто? Да и самъ Иванъ Максимовичъ—развѣ онъ не преступникъ, развѣ не стоить онъ самаго тяжелаго наказанія за то, что взялся не за свое дѣло, за то, что своимъ незнаніемъ, своею глупостью даетъ возможность людямъ безчестнымъ губить другихъ—и преспокойно подписываетъ ихъ подкупленные приговоры?.. И послѣ этого человекъ есть животное *разумное*, есть *animal sapiens*? Не правда, совершенная неправда! Мой учитель зоологии страшно ошибся: Иванъ Максимовичъ лучшее тому доказательство... А все потому, что люди думаютъ только о себѣ и несколько о другихъ: было бы мнѣ хорошо, а тамъ хоть трава не расти! Забрался, хоть случайно, въ пустую голову Ивана Максимовича мысль, что не служба существуетъ для него, а онъ для службы; что, служба, не о жалованьи, не о доходахъ слѣдуетъ думать, а объ общественной пользѣ, объ общественномъ благѣ, о соблюденіи закона, о подвореніи стро-

Мудрое указаніе природы на необходимое различіе сословій.



Дитя не благородное.



Дитя благородное.



Дитя высокоблагородное.



Дитя высокородное.

гой справедливости между людьми — тогда не то бы было! Но дѣло въ томъ, что подобныя мысли не закрадываются случайно въ голову человека, а бываютъ результатомъ разумнаго воспитанія, результатомъ развитія въ человекѣ вѣчныхъ идей истины, красоты и блага. Тогда—и только тогда—человекъ дѣлается животнымъ разумнымъ, *animale sapiente*; въ противномъ же случаѣ онъ будетъ только животное, только *animal*,—и притомъ животное *хищное*. Вѣдь Иванъ Максимовичъ ничему не учился, вѣдь онъ выскочилъ на службу изъ третьяго класса гимназіи дуракъ-дуракомъ, и такимъ остался на всю жизнь, узналъ лишь на службѣ артикуль воинскій. Слѣдетвенно, можно ли отъ него ожидать чего-нибудь добраго, какихъ-нибудь подвиговъ во имя общаго блага, какихъ-нибудь высшихъ стремленій, порывовъ къ высокому и прекрасному? Откуда у него возьмется все это,—не смотря на то, что все это и у него существуетъ, но въ зародышъ, какъ въ грубомъ и неразвитомъ человекѣ?...

Больше я не встрѣчался съ Иваномъ Максимовичемъ, но слухи доходили до меня, что онъ преспокойно служитъ и даже скоро будетъ генераломъ... Вотъ тогда, я думаю, развернется онъ и покажетъ себя во всемъ генеральскомъ блескѣ! И посмотрите, пожалуй еще получитъ крупное мѣсто, еще крупнѣе теперь имъ занимаемаго,—и будетъ себѣ жить-поживать да дѣтей паживать.... О, Господи, когда же все это кончится!...

НАШЕ ВРЕМЯ.

На Руси у насъ,
Чудныя дѣла
Въ очью совершаются.
Всюду, въ добрый часъ,
Всѣ до корня зла
Дружно добираются.
Гласность въ ходъ пошла,
Прячется порокъ
Въ закоулки темныя;
Правда зацвѣла;
Поднялъ мужичокъ
Взоры свои томныя;—

Началъ сознать,
Что и онъ, какъ всѣ,
Божіе созданье;
Началъ ощущать
Жизнь во всей красѣ,
А не поруганіе;
Пересталъ въ кабакъ
Заходить, искать
Горя утоленія;—
Откупщикъ въ кулакъ,—
(Кто бъ могъ это ждать?...)
Свищетъ въ озлобленіи.
Золотой мышокъ
Отъ безчестныхъ дѣлъ
Не спасаетъ дерзкаго;—
Всѣмъ мышкамъ въ урокъ
Положенъ придѣлъ
Силь богонерзкаго.
Затуманить людѣ
Мудрено теперь
Стало миллиардами.
Низость, мерзость быють,
Выгоняютъ въ дверь,—
Будь она съ кокардами,
Будь хоть со звездой,
Будь хоть съ палашомъ,
Съ яркою подкладкою,—
Вѣкъ насталь такой,
Подлость ужъ во всемъ
Называютъ гадкою.
Званье, ордена
Съ светлою душой
Лику украшеніе;
А душа черна:—
Такъ и ликъ иной—
Званью поношеніе!
Чинъ не человекъ;
Въ человекѣ чинъ
Начали отыскивать.

Нашъ чудесный вѣкъ
Зло не безъ причинъ
Вздумалъ строго взыскивать.
Поглядишь, иной, —
Накупивъ домовъ
Откупными штуками, —
Бѣглый рядовой,
Нахваталъ чиновъ
И съ дѣтьми, и съ внуками.
А теперъ капутъ!
Времячко прошло,
Такъ ужъ жить не водится;
Маску-то сорвутъ,
Вскроютъ наголо, —
Каяться приходится.
Взятками пока
Все еще живеть
Людѣ, клеймомъ отмѣченный;
Но ужъ все жъ рука
Съ дрожью кусъ беретъ, —
Благопріобрѣтенный.

И ужъ ночью онъ
Не спокойно спитъ,
Кары дожидается;
Его тяжекъ сонъ,
Громъ надъ нимъ гремитъ,
Буря собирается.
И въ бреду прогрессъ,
Гласность и печать
Онъ клянетъ мудреную:
«Эдакихъ чудесъ
«Стали напускать
Въ нашу Русь крещеную!»...
А. К. Зловъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ.

Въ конторѣ типографіи Каткова и Комп. поступилъ въ продажу первый томъ *Стихотвореній* *О. Б. Миллера*, заключающій въ себѣ лирическія стихотворенія и въ томъ числѣ 38 переводовъ изъ Гейне. Второй томъ, въ которомъ будутъ заключаться поэмы, повѣсти и сказки, печатается и выйдетъ въ скоромъ времени. Цѣна 1-го тома *одинъ* руб. серебр. Книгопродавцамъ дѣлается обыкновенная уступка.

О Т Ъ Р Е Д А К Ц І И.

Открывая подписку на продолженіе нашего изданія въ будущемъ 1860 году, мы считаемъ долгомъ принести благодарность нашимъ читателямъ за то сочувствіе, которымъ они удостоили наше скромное предпріятіе. Въ этомъ сочувствіи удостовѣряетъ насъ постоянно возрастающее до сихъ поръ число нашихъ подписчиковъ. Мы утѣшаемъ себя увѣренностію, что, по мѣрѣ силъ, исполняли наше дѣло добросовѣстно, и не завлекая читателей пышными обѣщаніями, доставляли имъ въ продолженіе года легкое, занимательное и равнообразное чтеніе за самую умѣренную цѣну. Два тома нашего изданія, изъ которыхъ первый содержитъ до 40 повѣстей, составляютъ два красивыхъ сборника стихотвореній, рассказовъ, очерковъ, сценъ и анекдотовъ. Кто возьметъ на себя трудъ просмотрѣть всѣ нумера «*Развлеченія*», тотъ убѣдится на дѣлѣ, что журналъ нашъ не слабѣлъ, а напротивъ, постоянно улучшался съ каждымъ номеромъ, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ разнообразія.

Въ будущемъ году журналъ нашъ будетъ издаваться по той же программѣ, въ томъ же объемѣ и съ тою же постоянною исправностію, какъ и въ нынѣшнемъ: больше этого мы обѣщать не можемъ, кромѣ только того, что по прежнему будемъ стараться о возможномъ улучшеніи изданія.

Въ каждомъ номерѣ будетъ помещаемо отъ *двухъ* до *пяти* политипажей, о разнообразіи и современномъ значеніи которыхъ мы приложимъ особенное стараніе.

«*Развлеченіе*» будетъ выходить по-прежнему еженедѣльно (кромѣ Сырной и Страстной недѣль) въ объемѣ полутора листа большаго формата, что составитъ въ годъ 1,200 столбцовъ.

Цѣна годовому изданію, состоящему изъ двухъ томовъ, или 50 нумеровъ, въ Москвѣ безъ доставки на домъ 3 р. сер. Въ С.-Петербургѣ и Твери 4 р. сер.; съ пересылкою во всѣ города 5 р. сер. Въ Москвѣ за доставку на домъ прилагается 1 руб. серебр.

Подписка принимается: въ *Москвѣ*, въ конторахъ журнала «*Развлеченіе*» при книжномъ магазинѣ *И. В. Базунова* (на Страстномъ бульварѣ) и при типографіи Каткова и Комп. (въ Армянскомъ переулкѣ), а также и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Въ *С.-Петербургѣ* въ конторѣ журнала «*Развлеченіе*» при книжномъ магазинѣ *А. И. Давыдова* (на Невскомъ проспектѣ, противъ арсенала Николаевского дворца) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Въ *Твери* — у Черенина; въ *Тифлисѣ* — у Беренштамма; въ *Одессѣ* — у Бѣлаго; въ *Казани* — у Дубровина.

Редакція проситъ всѣхъ, желающихъ подписаться на «*Развлеченіе*», въ особенности иногородныхъ, предъявлять свои требованія заблаговременно, чтобъ она могла заранѣе распорядиться печатаніемъ достаточнаго числа экземпляровъ и своевременною доставкою журнала.

Для большей вѣрности Редакція проситъ своихъ иногородныхъ подписчиковъ обращаться прямо въ Редакцію журнала «*РАЗВЛЕЧЕНІЕ*» въ Москвѣ, на Покровкѣ, въ собственномъ домѣ редактора.

Издатель и редакторъ **О. Миллеръ.**